

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-252-267>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. В. В. Савелов
г. Москва, Россия

Ю. А. СИДОРОВ И «МИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ» (НА ОСНОВЕ ПРИЖИЗНЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ)

Аннотация: В статье на основе двух единственных прижизненных публикаций рассматривается история восприятия и оценки Ю. А. Сидоровым (1887–1909) идей «мистического анархизма». В альманахе «Хризопрас» (1906) Сидоров опубликовал два стихотворения, которые очевидно находились под влиянием лозунгов «мистического анархизма». Устанавливаются параллели между этими дебютными стихотворениями и текстами авторов, имеющих отношение к «мистическому анархизму», в частности, между стихотворением «Сновидец, ты миру послал откровенье...» и статьей Г. И. Чулкова «Об утверждении личности» (1906). Делается вывод о стремлении ряда молодых литераторов (не только Ю. Сидорова, но и В. Григорьева, Е. Казакова) заявить о своей солидаризации с лозунгами «мистического анархизма» на страницах альманаха «Хризопрас», идейно близкого к московским «Весам». Во второй прижизненной публикации — рецензии («Русская мысль», 1909) на книгу очерков Г. И. Чулкова «Покрывало Изиды» (1908) отношение Сидорова к «мистическому анархизму» становится резко критическим, ниспровергающим. Делается попытка объяснить причину охлаждения Сидорова к лозунгам «мистического анархизма». Возможными поводами называются разочарование поэта в итогах революции 1905–1907-х гг. и его поворот в сторону монархических настроений, а также все большая солидаризация с той линией внутри символизма, которую предлагал московский журнал «Весы». Особое внимание уделено параллелям между полемическими выпадами Сидорова в адрес Чулкова и аналогичными выпадами со стороны сотрудников журнала «Весы» (З. Н. Гиппиус, А. Белый, Б. А. Садовской и др.)

Ключевые слова: Ю. А. Сидоров, Г. И. Чулков, мистический анархизм, журнал «Весы», революция 1905–1907, русский символизм, литературная полемика.

Информация об авторе: Вячеслав Витальевич Савелов — преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3457-6051>. E-mail: VVSavelov@yandex.ru

Дата поступления статьи: 21.01.2021

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Савелов В. В. Ю. А. Сидоров и «мистический анархизм» (на основе прижизненных публикаций) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 252–267. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-252-267>

Период недолгой творческой активности Юрия Ананьевича Сидорова (конец 1906 – начало 1909 гг.) пришелся на время кризиса символизма, одним из главных симптомов которого стал раскол единого ранее направления на две конкурирующие друг с другом фракции — петербургский лагерь «мистических анархистов» и лагерь символистов, сгруппировавшихся вокруг московского журнала «Весы». «Мистическому анархизму», с его лозунгами об устремлении к соборности, об оправдании социальной революции, о разрушении старого мира (в том числе мира культуры), «Весы» ультимативно противопоставляли утверждение декларируемого ими и ранее индивидуализма, охранительный академизм и отстаивание культуры во всех ее проявлениях. Именно вокруг рецепции этой внутрисимволистской полемики, наиболее острой для конца 1900-х гг., и выстраиваются основные мировоззренческие поиски поэта.

Первые опубликованные стихотворения Ю. А. Сидорова (и единственные, опубликованные при его жизни): «Новые варвары» и «Сновидец, ты миру послал откровенье...» — увидели свет в альманахе «Хризопрас» (М., 1906–1907) недолговечного московского издательства «Самоцвет» [10].

Несмотря на то что в редакционной преамбуле «Хризопраса» программой его объявлялась борьба с «гуннскими воззрениями на искусство» и отстаивание «истинно культурной» линии «Весов», а также близкого к ним в начале 1907 г. «Золотого Руна»¹, заметное место в этом альманахе заняли тексты, так или иначе откликающиеся на лозунги «мистического анархизма» (например, рассказ Евгения Казакова «Хохот» или статья Василия Григорьева «Самодержавие индивидуума» — рецензия на роман Дж. Г. Маккея «Анархисты»). В лирическом отделе альманаха линия «мистического анархизма» наиболее отчетливо обнаруживает себя именно в поэтических текстах Сидорова.

Первое из помещенных поэтом в «Хризопрасе» стихотворений — «Новые варвары» — написано будто бы от лица брюсовских «грядущих гуннов» [16, с. 209] — разрушителей «культуры старинной»:

Нам часто твердят, что новые варвары, мы;
Хотим разорвать золотые листы
Пергаментов древних; храм знанья,
Культуры старинной, хотим мы зажечь, —
Поэтому смертью ликует наш меч,
Подняли мы наши огни [28, с. 27].

Поэт противопоставляет книжной культуре охранителей подлинное, живое искусство будущего, которое, по его разумению, должны принести с собой варвары-разрушители:

Но разве не ярче те песни, что меч наш поет,
Чем старых писаний чернильный налет?
И в факелах наших не солнце ль горит?
Глаза ваши тусклые ядом слепит.
Не мрамором строен ваш храм из колонн —
Коробится там и гниет почерневший картон [28, с. 27].

¹ Важно отметить, что главная задача этого «околовесовского» альманаха состояла в полемике с еще одним печатным органом символизма — журналом «Перевал» (1906–1907) [12; 10].

Первым варваром Сидоров объявляет Христа — «крушителя устоев» старого мира. Варваров-анархистов он отождествляет с христианами, разрушившими языческий Рим, охранителей — с язычниками, преследующими христиан:

Припомните, мудрые, — варвары Бога нашли,
Христос — это варвар, крушитель устоев, преград
И мир содрогнулся, как бурей объят [28, с. 27–28].

Заканчивает стихотворение поэт утверждением собственной «варварской» идентичности, перейдя от обобщенного «мы» к личному «я»:

О, вот почему, не боясь я кричу:
«Я — варвар, но миру я Бога найду» [28, с. 28].

Очевидно, что в первой своей публикации Сидоров заявляет о солидарности с теми лозунгами внутри символизма, которые ассоциируются с «мистическим анархизмом». «Новые варвары» — своего рода манифест, в котором начинающий поэт открыто декларирует позицию, которую он желал бы занять в актуальной для своего времени полемике.

Свою солидаризацию с «мистическими анархистами» Сидоров подкрепляет обращением к символике факела. Подобно многим участникам дебютного выпуска «Факелов» (СПб., 1906), он помещает название этого альманаха, ставшее, по сути, эмблемой петербургской фракции символизма, в ткань своего стихотворения: «И в *факелах* наших не солнце ль горит? / Глаза ваши тусклые ядом слепит» [28, с. 27]. Ср. с большинством текстов, напечатанных в первом выпуске «Факелов»: «<...> / Пылает *Факел* своевольный. / <...> / Неси ж, о *Факел*, суд земле, / <...> / Пылайте, *Факелы*, / Знамена вольных! / <...> / Святите, *Факелы*, / Костер кровавый!.. / <...> / И *Факел* догорающий — / Предвестие Зари. / <...> / Пылайте, *Факелов* / Пирь живые! / <...> При беззвучном пылании *факелов* молитвенное безмолвие Хора» [27, с. 5–9] (В. И. Иванов. «Факелы. Дифирамб»); «Больше *факелов* повсюду! / Пусть плывет смолистый чад... / <...> / Больше *факелов* повсюду!.. / Мне опять вся жизнь видна. / <...> / Я с последнею улыбкой / *Факел* солнцу передам» [27, с. 43–44] (П. С. Соловьева. «Больше факелов повсюду!...»); «Кто-то зажег *факел* и окна дворца затуманились, налились кровью и придвинулись к толпе» [27, с. 72] (Л. Н. Андреев. «Так было»); «Веселые крики: “*Факелы! Факелы! Факельное шествие!*” Появляется хор с *факелами*» [27, с. 208] (А. А. Блок. «Балаганчик»).

Заметим также, что Е. Казаков и В. Григорьев, подобно Сидорову демонстрирующие тяготение к линии «мистического анархизма», тоже использовали в своих текстах, опубликованных в «Хризопрасе», символику факела: «Стройные ряды фонарей стояли как *факельщики* не то свадьбы, не то похорон и хохотали желто-красными огнями» (Е. Казаков) [18, с. 62]; «Приветствуем от души этот новый *факел* истинного анархизма <т. е. роман Дж. Г. Маккея «Анархисты». — В. С.>» (В. Григорьев) [18, с. 75]. Очевидно желание ряда начинающих авторов-москвичей (Сидорова, а вместе с ним Е. Казакова и В. Григорьева) идентифицировать себя с петербургской фракцией символизма, заявить о существовании московских «факельщиков».

В своем стихотворении Сидоров также использует образы, отсылающие к творчеству поэтов, которые могли ассоциироваться с петербургским альманахом «Факелы».

Так, он обращается к Эросу — важной мифологеме в теоретических построениях и в поэзии Вячеслава Иванова, а также к заимствованному из лирики того же Иванова образу роз («Мы знаем — светильник из пламенных роз / Откроет нам Бога, — явится Эрос» [28, с. 27]). Образ «почерневшего картона» («Коробится там и гниет почерневший картон» [28, с. 27]) в свою очередь заставляет вспомнить о картонном мире блоковского «Балаганчика» [18].

Отметим, что в публицистике теоретиков «мистического анархизма» образ Христа появляется довольно часто. Вячеслав Иванов утверждал, что именно «Христос раскрыл идею неприятия мира во всей антиномической полноте ее глубочайшего содержания» [14, с. 107]. В статьях Георгия Чулкова Христос и вовсе предстает анархистом, упраздняющим идею государства: «Да, этот Иисус Христос — величайший мятежник, когда-либо живший на земле. Что такое Брут, что Кассий в сравнении с Ним? Они убили одного Юлия Цезаря, а Он убивает Цезаря и Августа вообще. Мыслимо ли примирение между Галилеянином и кесарем? Хватит ли на земле места для них обоих?» [29, с. 77]. Назовем также брошюру М. Л. Гофмана «Соборный индивидуализм» (1907), идейно весьма близкую к «мистическому анархизму», в которой история человеческой культуры предстает как арена борьбы между двумя индивидуализмами: обособленным (декадентским) и соборным, а первым «соборным индивидуалистом» Гофман объявляет Христа [11, с. 60]. Можно предположить, что образ Христа-варвара мог возникнуть у Сидорова под влиянием подобного круга идей.

Если «Новые варвары» кажутся зависимыми от «Грядущих гуннов» В. Я. Брюсова, то во втором из опубликованных Сидоровым в «Хризопрасе» стихотворений можно увидеть отражение идей, высказанных Г. И. Чулковым в его программной статье «Об утверждении личности» (1906).

Чтобы яснее увидеть связь стихотворения Сидорова с упомянутой статьей, остановимся на ряде положений, высказанных в ней. В статье «Об утверждении личности» Чулков противопоставил «мистический анархизм» враждебному ему декадентству как «психологическому факту». В центре его рассуждений — антиномия между анархическим бунтом и буддийской созерцательностью, под которой следует понимать декадентское неделание. Чулков утверждал, что буддийский (т. е. декадентский) и анархический взгляд на мир сближает «неприятие мира», отношение к эмпирическому миру как к «началу множественному и страдающему» [29, с. 72], различает же путь, по которому буддисты (декаденты) и анархисты пытаются уйти от страданий, вызванных несовершенством мира. Чулков цитирует в своей статье одну из легенд о Будде, в которой тот учит: «...в две крайности не должен впадать человек, вступивший на путь! Одна из них в страстях... Другая в собственном истязании... Совершенный, обойдя обе эти крайности, уразумел срединный путь, дающий прозрение, знание, ведущий к успокоению, высшему уразумению, нирване» [29, с. 74]. Этому «безобразному», «срединному» пути, под которым Чулков подразумевает декадентское замыкание в индивидуализме, в статье противопоставлен «опасный», «кремнистый» путь анархизма. В отличие от неделания буддистов (и декадентов), анархисту необходимо совершить преобразование эмпирического мира. Путь анархиста — это путь «великого восстания, великого мятежа» [29, с. 77], и главной вехой на нем должна стать социальная революция, с которой и начнется «всемирный пожар», «в котором сгорит старый мир» [29, с. 77].

Стихотворение Сидорова видится нам своего рода поэтическим изложением идей Чулкова:

Сновидец, ты миру послал откровенье,
Ему указал огневые пути, —
Я знаю, страдальный скиталец, веленье,
Я знаю, какую дорогой идти!

Дорога одна, но пути в ней — сплетенье
Повит один путь алым пурпуром роз;
Другой из них залит жемчужностью грез;
Кристаллы на третьем лазурно смеются
Снегами безбрежного знания зовутся [28, с. 28].

«Сновидец» и «страдальный скиталец» — это, очевидно, Будда. Используя традиционную символику (розы — символ страсти, жемчуг — чистоты и невинности, кристалл — сверхъестественного знания, снег — холодного бесстрастия), Сидоров изображает три пути, о которых говорится в буддийской легенде: путь страстей, путь аскетизма и «срединный путь» бесстрастного знания. Этим «огневым путям» поэт противопоставляет собственный, совмещающий страсть и бесстрастие, разрушающий все границы, путь анархиста-революционера:

Последний мой путь — это путь совмещенья,
Мой путь он свобода — свобод разрушенье,
Он углем засыпан, рабочим углем,
И черные маки темнеют на нем.
Пройди его — там пробужденье [28, с. 28].

Как видим, поэтический дебют Сидорова прошел всецело под знаменем «мистического анархизма». Начинающий, еще не до конца овладевший формой поэт попытался создать своего рода поэтические манифесты, утверждающие идеалы «новых варваров», причем опубликовал их в альманахе, близком по идейной программе к «Весам», очевидно совсем еще не понимая ни эстетических, ни общественных настроений этого журнала. Не было, по всей видимости, у Сидорова тогда и понимания символистской поэтики как таковой. Весь «символизм» его стихотворений-манифестов сводится к нарочитому использованию традиционных символов (флоральных, колористических и др.), превращающих текст в своего рода зашифрованный ребус.

Второй из опубликованных при жизни текстов Сидорова также имеет прямое отношение к «мистическому анархизму». Он представляет собой рецензию на сборник критических очерков Чулкова «Покрывало Изида» (1909). Статья Сидорова была напечатана в журнале «Русская Мысль» в январе 1909 года, от публикаций в «Хризопрасе» ее отделяет немногим более двух лет.

Тональность рассмотренных выше стихотворений и рецензии на книгу Чулкова противоположна. Если в стихотворениях, опубликованных в «Хризопрасе», Сидоров выступает с апологией «мистического анархизма» и революционно-анархических идей, то его отклик на книгу Чулкова, напротив, остро полемичен. Поэт теперь обвиняет автора «Покрывала Изида» во множестве прегрешений, главным образом отмечает отсутствие определенности в высказываемых им идеях и неумение их ясно формулировать: «Трудно понимать мысли г. Г. Чулкова, — таким плохим, путаным и вычурным, не научным и не русским языком он выражается [24, с. 7]; «“Определенность” — вот

чего совершенно не выносит г. Г. Чулков» [24, с. 8]. Статья заканчивается уничтожающей инвективой: «Если бы осознал г. Г. Чулков свой безудержный дилетантизм, если бы чему-либо определенному поучился, во что-либо определенное поверил, не имели бы мы прежних книг г. Г. Чулкова, не имели бы и этой» [24, с. 8].

Что заставило поэта столь кардинально пересмотреть свою точку зрения на теоретические построения Чулкова и за несколько лет превратиться из их апологета в ниспровергателя? Можно предположить, что тому есть несколько причин.

Увлечению Сидорова «мистическим анархизмом», с его упованиями на возможность пересоздания мира посредством «пожара» социальной революции, по всей видимости, предшествовал недолгий, но, как всегда у этого поэта, крайне страстный интерес к социализму. Борис Садовской вспоминал: «До чего был еще молод и неустойчив тогда Юрий, явствует, между прочим, из того, что на неизбежный в известную пору жизни вопрос “како веруеши?” он объявил себя мистическим анархистом, **причем товарищ тут же упрекнул его за быстрое отступничество от социал-демократической доктрины** (выделено нами. — В. С.)» [23, с. 157]. В. А. Артисевич среди книг из собрания поэта упоминает сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова [3, с. 13]. Можно предположить, что в теориях Чулкова Сидорова привлекало, прежде всего, обоснование, пусть и мистическое, необходимости социального переворота.

Последующее развитие политического сознания поэта (не без активного участия со стороны Бориса Садовского) шло в сторону правых, монархических и славянофильских идей (см., например, его оставшиеся неопубликованными стихотворения «Западу», «Знамя» и «Царю») (НИОР РГБ. Ф. 190. К. 42. Ед. хр. 1. Л. 39–41, 43. Сидоров Юрий Ананьевич. «Стихотворения» — сборник, наборный экземпляр. 1910-е гг. Машинопись с пометами карандашом и чернилами):

Всю тяжесть и вес на тиаре понесший,
Забывших и древле погибших корон,
Помазанник Божий, ты Кесарь воскресший,
Сверкающим солнцем сияет твой трон.

<...>

Ужели изменим твоей диад<и>ме,
Врагам предадим ли святыни сердец,
Тебя, о священное, царское имя,
Тебя, о таинственный, вечный венец<!>

(«Царю. Памяти К. Леонтьева») (НИОР РГБ. Ф. 190. К. 42. Ед. хр. 1. Л. 43. Сидоров Юрий Ананьевич. «Стихотворения» — сборник, наборный экземпляр. 1910-е гг. Машинопись с пометами карандашом и чернилами).

Основанное на этих убеждениях мировоззрение к началу 1909 г., по всей видимости, было уже устоявшимся. Возвращение к «вечным ценностям» заставило Сидорова по-новому взглянуть на идею революции. От ощущения необходимости ее, вдохновленного мыслями социалистов и «мистических анархистов», он приходит к восприятию переворота как явления опасного, разрушительного. С. В. Клейменова сообщает, что в экземпляре «Покрывала Изиды», принадлежащем поэту, напротив слов Чулкова: «В наше время люди живут верой в грядущую социальную революцию. И наш

скептицизм не может умалить этой веры», — рукой Сидорова написано: «Какой там скептицизм» [15, с. 74]. Прежние лозунги казались поэту в 1909 г. в лучшем случае неактуальными («Ежели “неприятие мира есть лозунг современности” <...> — стыдно за современность» [24, с. 8]), а то и вовсе опасными. Этим отчасти и можно объяснить ту, заставляющую временами выходить за пределы литературного приличия, страстность, с которой Сидоров пытается ниспровергать теоретические выкладки Чулкова.

Кроме разочарования в революционных идеях, была, очевидно, в охлаждении поэта к «мистическому анархизму» и другая причина. А. В. Лавров обращает внимание на то, что «в избличении идейных построений Чулкова Сидоров всецело разделял ту критическую установку по отношению к “мистическому анархизму” и связанным с ним явлениям в литературе, которую последовательно проводили “Весы”, главный печатный орган московских символистов» [16, с. 212]. Действительно, в 1907–1908-х гг. поэт познакомился и сблизился с постоянными (Андрей Белый, С. М. Соловьев, особенно Б. А. Садовской) и эпизодическими (В. О. Нилендер) участниками «Весов» и стал вполне осмысленно разделять идеи, высказываемые на страницах этого журнала.

Отношение участников «Весов» к «мистическому анархизму» и его идеологу общеизвестно. Как иронично отмечалось во 2/3 номере «Золотого Руна» за 1909 г., «настоящий лозунг “Весов” заключается лишь в том, чтобы ругать Чулкова и превозносить другого поэта (т. е. В. Я. Брюсова. — В. С.)» [19, с. 120]. Начиная со статьи З. Н. Гиппиус «Иван Александрович — неудачник» (1906, № 8) в «Весках» сложился своего рода канон, по которому ниспровергались теоретические построения Чулкова и давалась крайне отрицательная оценка его художественным произведениям (нередко с переходом на личность). Судя по содержанию статьи, Сидоров пытался почти во всем следовать этому устоявшемуся уже среди участников «Весов» канону.

В упомянутой статье Зинаиды Гиппиус можно найти уже характерные для всей последующей «весовской» критики обвинения Чулкова в дилетантизме и непоследовательности, аморфности мысли: «Ум, логика, последовательное и строгое философское мышление немедленно вянут в произвольных закрутах чулковской “мысли”, как ноги в неудобствах осенней деревенской дороги...» [2, с. 49–50]. Заканчивается статья Гиппиус высказанной снисходительно-менторским тоном надеждой на то, что Чулков «станет вдумчивее и добросовестнее, станет пристальнее читать книги <...> и в будущих своих писаниях, конечно, поостережется бесплодно оскорблять и своих “товарищей”, и анархистов, и мистиков, и логику, и историю, и здравый смысл» [2, с. 51]. Не составляет труда увидеть общее между критическими интонациями Гиппиус и Сидорова.

Сопоставляя выпады Сидорова, направленные против идеолога «мистического анархизма» с аналогичными высказываниями на страницах «Весов», можно увидеть и другие параллели.

Одно из главных обвинений, которое предъявляли Чулкову авторы «Весов», состояло в указании на вторичность высказываемых им мыслей. В критических очерках «весовцев» Чулков представал компилятором чужих идей, вульгаризирующим и профанирующим их. Ср.: «Вот, например, Георгий Чулков. <...> Человек волнуется, горячится, наскоро вспоминает все хорошие слова, какие только слышал от умных людей, торопясь, сплетает из них свою собственную плетенку, надрывается, — а при этом смешон» [26, с. 69] (З. Н. Гиппиус); «...вся статья <Чулкова> “Об утверждении личности” отчасти просто “плагиат” непереваренных мыслей Вл. Соловьева, Д. Мережковского, А. Белого, отчасти “повторение” слов Канта, Шопенгауэра и Штирнера, пересыпанных общими местами в развязно-репортерском вкусе <...>. В том же духе (если не хуже)

написана и вторая статья Чулкова “Тайна Любви”, причем ни для кого не “тайна”, что источником ее явился Вл. Соловьев» [31, с. 62] (Эллис); «...вся книга г. Чулкова («Покрывало Изиды». — В. С.) есть кружево из чужих мыслей, чужих выстраданных убеждений» [13, с. 86–87] (Андрей Белый); «Мы видели, как печально повисло разорванное в жалкие клочья его “Покрывало Изиды”, где под шелухой все тех же чужих слов пытался г. Чулков построить некое “миросозерцание”, что-то “обосновать”, что-то “изречь”» [22] (Б. А. Садовской) и др.

Образ Чулкова — бездарного плагиатора, выдающего «выстраданные» другими убеждения за собственные интеллектуальные находки, обнаруживает себя и в художественном творчестве авторов, близких «Весам». Так, Андрей Белый в своей Четвертой симфонии «Кубок метелей» (1906) — тексте, важном для духовных исканий Сидорова и хорошо ему известном, — вывел Георгия Чулкова в образе карикатурного «козловода» Жеоржия Нулкова (от слова «нуль» — оценка, очевидно, данная Белым идеологу «мистического анархизма» как оригинальному мыслителю): «Высочил Нулков. Приложился ухом к замочной скважине, слушал пророчество мистика-анархиста (т. е. В. И. Иванова — В. С.). Наскоро записывал в карманную книжечку, охваченный ужасом, и волосы его, вставшие дыбом, волновались: “Об этом теперь напишу фельетон я”» [4, с. 20]; «Нулков притаился в углу, записывал чужие мысли: у него было много записано слов. Он думал: “Пора издать книжечку”» [4, с. 45].

Вполне в духе этой к началу 1909 г. прочно уже устоявшейся в «Весах» традиции Сидоров изображает Чулкова собирателем всевозможных сплетен и слухов, пытающимся приобрести славу мыслителя, пользуясь плодами чужого интеллектуального труда: «...очень много всяких газет, тощих брошюр и иллюстрированных ежедневников читает г. Г. Чулков; зачастую ходит в театр, вероятно ежедневно, <...> — отсюда мало ли чему можно научиться. <...> несомненно у г. Г. Чулкова имеется большое число знакомых, может быть, он даже вступает в разговор с незнакомыми, а здесь открывается необъятная возможность для приобретения, накопления, соединения воедино и, наконец, письменного изложения всевозможнейших слухов. Пусть иногда приводит подобный способ к поразительным нелепостям, пусть позволяет обвинять писателя и в отсутствии личности, и в упорном и злостном невежестве, зато есть в этом что-то “новое”» [24, с. 6]; «...говорит он о “новом, не декадентском опыте”, “по ту сторону добра и зла”, о “новой религии”, о “новом религиозном знании тайном и сокровенном”. Ни к чему не обязывают эти слова. Услышал он их, пустил как сплетню, и пошли они гулять по белу свету, создавая г. Г. Чулкову славу и философа, и критика, и мистика» [24, с. 8].

Большую опасность для символизма сотрудники «Весов» видели в актуализировавшейся после 1905 г. тенденции к размыванию границ между символистским и реалистическим методами в литературе. Реализм оставался главным врагом журнала со времени возникновения. На страницах «Весов» уничтожающей критике подвергались периодические издания («Факелы», «Шиповник», «Белый Камень», «Земля», «Перевал», отчасти «Золотое Руно» и др.), в которых тексты символистов соседствовали с текстами реалистов и неореалистов. Причем кампанию против символистско-реалистических «гермафродитов» (Эллис) в литературе сотрудники «Весов» воспринимали как одну из граней общей борьбы с «чулкизмом». Действительно, такая художественная и мировоззренческая эклектика была в некотором роде программной для дебютного выпуска альманаха Чулкова «Факелы» (СПб., 1907), где, по ироничному выражению В. Я. Брюсова, «агнцы должны были улечься с волками» [1, с. 55]: вместе со стихами

и прозой В. И. Иванова, Ф. Сологуба, В. Я. Брюсова, А. Белого, К. А. Сюннерберга, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, самого Г. И. Чулкова и других символистов здесь были опубликованы также сочинения реалистов и неореалистов: И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, С. Н. Сергеева-Ценского, Осипа Дымова и др.

Чулков пытался снять границы между символизмом и реализмом также в теоретических своих построениях. Так, первую часть своей книги «Покрывало Изиды» в авторском предисловии он охарактеризовал как собрание статей о «кризисе символизма» и его движении «в сторону нового реализма» [24, с. 9–10], в нее он включил статьи, посвященные творчеству как символистов, так и прозе неореалиста Б. К. Зайцева, а также лирике тех поэтов, в которых он видел предшественников современной ему модернистской поэзии (М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, В. С. Соловьев).

В своей статье Сидоров, вполне в духе «Весов», с критическим запалом обрушивается на крайне размытое, свободное понимание Чулковым границ символизма, смешение имен символистских и реалистических писателей и поэтов, а также нередкое предпочтение творчества реалистов и неореалистов символистам:

Вот исходя из подобных теоретических соображений и принимается г. Г. Чулков за характеристики современных и прежних поэтов. Одних удостаивает причислить к символистам, других нет, даже и не потому уже, что слышал, как их зовут так где-нибудь и кто-нибудь, а просто по собственному желанию.

Пушкин — не символист. В стихотворении «Осень» у него хотя и «прекрасные образы», но нет «любования», нет «взаимодействия с осенью». Тютчев же — символист, в стихотворении «Осенний вечер» об этом свидетельствует «ритм», «кустремление стиха» и «появление протяжных звуков -енн, -ильн, и-ин» <...>.

<...>

«Поэзия К. Бальмонта не эзотерична»; у В. Брюсова «не лирическое дарование, а публичное», (!?) зато можно и должно «почувствовать у Д. Фридберга и Корина»; у И. Бунина «все подлинное», хотя он и <не> символист, но искусство его «настоящее, подлинное искусство» и «его язык почти никогда не бывает банальным» (нами подчеркнуто это прелестное «почти»); «новое слово» прозвучало в повести Б. Зайцева «Аграфена», сам Б. Зайцев занимает в современной литературе «необычайно значительное место», да и как ему не занимать, когда за словами его таится не больше и не меньше, как «преодоление смерти» и «оправдание земли».

<...> У Л. Андреева в «странных видениях» «больше сокровенной правды, чем в отвлеченных рассуждениях о религии св<ятой> Троицы» <...>. М. Горький, этот «дивный романтик» — «единственный верующий писатель. Ведь нельзя же в самом деле назвать верою рассуждения г. Мережковского о Боге» [24, с. 8].

Заметим, что особое неприятие вызвала у Сидорова критика Чулковым идеей Мережковского: «С иступлением, с бессильной и смешной, даже не дерзкой яростью говорит г. Г. Чулков о том течении нашей теперешней духовной жизни, которое преимущественно привыкли мы связывать с именем Д. С. Мережковского» [24, с. 8], — отмечал он в своей рецензии.

С середины 1906 г. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус становятся постоянными сотрудниками «Весов», внося свою лепту в войну с «мистическим анархизмом». Творчество Мережковского и его религиозно-философские идеи в противовес «мистическому анархизму» Чулкова в некотором роде пропагандировались на страницах журнала. Некоторые молодые поэты, сгруппировавшиеся вокруг «Весов», были увлечены идеями Мережковского, его христианство Третьего завета стало на время созвучно их духовным исканиям. Так, близкий Сидорову начинающий тогда поэт А. К. Виноградов (будущий советский прозаик) в своих записных книжках 1909 г. говорит о Мережков-

ском и Гиппиус буквально как о пророках, возвестивших миру новую религию: «Как люблю я Мережковских — и сказать не смею. Д<митрий> С<ергеевич> — ангел мой, хранитель святой и неизреченный отец. При нем жить не страшно. <...> З<инаида> Н<иколаевна> — матушка, покровительница моя» (РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 296. Т. 1. Л. 57. Виноградов Анатолий Корнельевич. Записные книжки с дневниковыми записями, стихотворениями, библиографией, материалами к повести «Изумрудные серьги», по истории Ливонии. 1909–1911 гг.). По всей видимости, схожее отношение к Мережковскому и его религиозно-философским идеям пережил и Сидоров. В письме к М. Ф. Власовой от 20 сентября 1908 г. он также рассуждал о творчестве идеолога «неохристианства» в категориях религиозных: «Мне так дорого и знакомо чувство, охватившее Вас при чтении Мережковского. Непонятно лишь, откуда и почему потом появился ужас в душе Вашей. Хочется напомнить о совершенной любви, изгоняющей страх. А я, грешный и слабый, все же молюсь о Вас, милая сестра моя, Господу: “светом Твоего познания просвети и святей <...> Церкви причти”» (РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 1381. Л. 7. Письма Сидорова Юрия Ананьевича к Власовой Марии Феокистовне и его тетрадь с введением к повести «Повествование Сфинкса», дневниковыми записями и набросками писем). Вера в Церковь Третьего завета вполне могла стать для Сидорова новой идеологией, которая (не без подсказки «Весов») пришла на смену все более теряющим актуальность лозунгам «мистического анархизма». Из статьи Сидорова явствует, что к началу 1909 г. поэт отдавал предпочтение Мережковскому-идеологу — носителю определенных, по его мнению, не аморфных идей, за которыми можно следовать: «...проговаривается он (т. е. Чулков. — В. С.) о причине своего страха даже к упомянутому течению. Там признается он по поводу идей Д. С. Мережковского: “лучше уж просто лирика, пусть даже в ее циничной наготе, только бы не эти слишком определенные слова”. “Определенность” — вот чего совершенно не выносит г. Г. Чулков» [14, с. 8].

Таким образом, многие аргументы, выдвигаемые Сидоровым против книги Чулкова, находят параллель с тезисами из критических статей и даже художественных текстов авторов «Весов». По всей видимости, к началу 1909 г. поэт находился под сильным влиянием идей, высказываемых на страницах этого журнала, где с 1907-й по 1909-й г. происходило формирование московской версии теории символизма (главным образом в статьях А. Белого).

Если к началу 1907 г. (время публикации двух дебютных стихотворений в альманахе «Хризопрас») представления Сидорова о символизме были еще весьма поверхностными, то в статье 1909 г. поэт пытается взять на себя роль эксперта в вопросах поэтики и эстетики этого направления. Так, он ставит в вину Чулкову нечеткость определения «основного понятия» — символа [24, с. 7], а также полемизирует с его пониманием музыки — еще одного важного концепта символизма, вызвавшего много споров в его противоборствующих фракциях.

Взглядам Чулкова на музыку Сидоров противопоставляет ссылку на теоретические построения немецкого философа и социолога Георга Зиммеля (это имя поэт мог услышать на «средах» Е. И. Боричевского, которые он посещал в 1908 г., их хозяин называл себя «учеником Зиммеля» [17, с. 35]): «Вот Шопенгауэр, В. Иванов, Ницше в первом периоде, сам г. Г. Чулков думают, что музыка — “объективация сокровенного” и истинно реального, а один современный тончайший гносеолог по имени Зиммель, ученый такой, вроде и В. Иванова, и Шеллинга, и других, имена коих так щедро рассеяны по страницам “Покрывала Изиды”, думает, что музыка потому-то и самая

совершенная эстетическая категория, что в ней свобода от интереса к факту реального существования доходит до того, что даже невозможен самый вопрос о таком существовании» [24, с. 7]. Ссылкой на Зиммеля Сидоров, кажется, пытается дать авторитетное подтверждение тому представлению о музыке, которое на страницах «Весов» в пылу полемики с «мистическим анархизмом» (а также с Э. К. Метнером) высказывал Белый, музыки как развоплощения, дематериализации слова, опасного для теоретических построений, претендующих на то, чтобы быть истинными: «Слово не связывает там, где музыка»; «Теперь говорят, будто религия музыкальна. При этом забывают, что музыка “ни о чем”. Но тогда и религия *ни о чем*» [6, с. 58]; «Вольно бороться со Зверем чудакам, влагающим смысл в слова, когда слова — только музыка» [7, с. 56] и др.

Примечательно, что Сидоров откровенно полагал, что ссылка на Зиммеля в действительности сводит на нет теоретические построения Чулкова. Он всерьез пытался бороться с идеями этой публицистической в своей сущности книги, прибегая к авторитету немецкого философа. В этом также видится родство поэта с позицией ряда авторов «Весов», многие из которых (прежде всего, конечно, Андрей Белый и «теурги»), переоценивая теоретическую систему символизма, воспринимали ее как своего рода науку или метод познания: «...вопросы символизма же относятся к вопросам эстетики, религии и мистики, как теория познания — к другим философским дисциплинам <...> выводы символизма определяют единственно верный путь искусству и религии» [8, с. 57] (Андрей Белый); «Символическая поэзия есть наука о Вечном, как физика и химия — наука о природе» [25, с. 53] (С. М. Соловьев).

Понимая символизм как своего рода научный метод, единственно приводящий к постижению Истины, поэты смотрели на всевозможные уклонения от проповедуемой ими его формы как на своего рода лженауку, «опухоль на символизме» [5, с. 174] (Андрей Белый), нуждающуюся в активном опровержении. Такое восприятие и придавало особую запальчивость полемике между «Весами» и «мистическим анархизмом», которая, по замечанию З. Г. Минц, «была для символизма неслыханно резкой» [20, с. 213]. Объясняет это отчасти и ту страстность, с которой Сидоров, находясь под явным влиянием идей, высказываемых на страницах московского журнала, пытается ниспровергать теоретические выкладки Чулкова — представителя враждебной «Весам» фракции символизма, а значит, как ему могло представляться, провокатора, сбивающего с единственно верного пути к постижению Истины.

Сходство античулковских аргументов Сидорова с аналогичными аргументами, высказываемыми на страницах «Весов», заметили уже сами символисты. Враждебное уже тогда к «Весам» «Золотое Руно» (в издательстве которого была напечатана рассматриваемая книга Чулкова) отреагировало на рецензию Сидорова крайне жестко, причем неизвестный рецензент безошибочно определил «школу» начинающего критика: «...статья о “Покрывале Изиды”. Хорошо видна школа в авторе ее, блудописце Юрии Сидорове. Не иначе как в “Весех” учился он заниматься в критических своих статьях вопросами о том, часто ли ходит автор разбираемой книги в театр, большое ли у него “число знакомых”, о том, что “может быть, он даже вступает в разговоры с незнакомыми”, чтобы собирать “слухи” и т. д. Только в “Весех” он мог научиться выдергивать отдельные фразы из книги, прибавлять к ним свою блудопись в том или ином количестве и, не коснувшись по существу ни одного из основных вопросов, затронутых автором, считать после этого книгу опровергнутой и подмахивать свое славное имя» [9, с. 110]. Отреагировали на публикацию Сидорова и сами «весовцы», К. Г. Локс в своей мемуарной книге «Повесть об одном десятилетии» вспоминал: «Нам передавали, что

В<алерий> Я<ковлевич> <Брюсов>, прочитав эту рецензию, сказал: “Вот человек, который нам нужен”» [17, с. 44].

Впрочем, сам факт публикации рецензии молодого, никому еще неизвестного автора в престижной «Русской мысли» вряд ли может быть случайностью. С ноября 1909 г., как известно, литературным отделом в «Русской мысли» заведовал В. Я. Брюсов, а одним из непосредственных участников журнала оказался Б. А. Садовской. Можно предположить, что заказчиком ругательной статьи о новой книге Чулкова вполне мог выступить сам Брюсов, а появилась в «Русской мысли» она при посредничестве Садовского.

Таким образом, рассмотрев прижизненные публикации Ю. А. Сидорова, отметим, что стихотворения, напечатанные им в альманахе «Хризопрас» (1906–1907), всецело находились еще под влиянием лозунгов «мистического анархизма». К 1909 г. Сидоров, однако, коренным образом пересмотрел свое отношение к этой фракции символизма, что видно из его рецензии на книгу Чулкова «Покрывало Изиды» — крайне резкой, ниспровергающей. Причиной тому могло стать как разочарование в революционных идеях, характерное в целом для периода «спада революционной волны» (С. А. Венгеров) [21, с. 6], так и все более глубокое знакомство с той линией символизма, которую предлагали московские «Весы», все отчетливее проявляющееся согласие с ней.

Такой — от солидаризации до отрицания — на основе двух прижизненных публикаций Сидорова видится история его восприятия и оценки концепций «мистического анархизма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аврелий [Брюсов В. Я.] Вехи IV. Факелы // Весы. 1906. № 5. С. 54–58.*
- 2 *Антон Крайний [Гиппиус З. Н.] Иван Александрович — неудачник // Весы. 1906. № 8. С. 48–51.*
- 3 *Артисевич В. А. Книжные коллекции в фондах Научной Библиотеки при СГУ // Труды научной библиотеки. 1947. Вып. 1. С. 13–17.*
- 4 *Белый А. Кубок метелей. Четвертая симфония. М.: Скорпион, 1908. 231 с.*
- 5 *Белый А. Между двух революций. М.: Худож. лит., 1990. 670 с.*
- 6 *Бугаев Б. [Белый А.] На перевале. VI. Против музыки // Весы. 1907. № 3. С. 57–60.*
- 7 *Бугаев Б. [Белый А.] На перевале. VII. Штемпелеванная калоша // Весы. 1907. № 4. С. 49–52.*
- 8 *Бугаев Б. [Белый А.] На перевале. IX. Детская свистулька // Весы. 1907. № 8. С. 54–58.*
- 9 *Вести отовсюду // Золотое Руно. 1909. № 1. С. 108–111.*
- 10 *Глуховская Е. А. Из истории литературной борьбы 1906–1907 годов: сборник «Хризопрас» // Русская литература. 2018. № 4. С. 97–103.*
- 11 *Гофман М. Л. Соборный индивидуализм. СПб.: Кружок молодых, 1907. 111 с.*
- 12 *Гречишкин С. С., Лавров А. В. Блок и «Перевал» (эпизод из литературной жизни 900-х годов) // Мат. XXVII научн. студенч. конф. Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1972. С. 61–65.*
- 13 *Зигмунд [Белый А.] Георгий Чулков. Покрывало Изиды // Весы. 1909. № 1. С. 86–89.*
- 14 *Иванов В. И. Идея неприятия мира // Иванов В. И. По звездам. Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. С. 103–122.*

- 15 Клейменова С. В. Книги из собрания Юрия Сидорова в фонде ЗНБ СГУ // Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов, посвященный памяти В. А. Артисевич. Саратов: Изд-во СГУ, 2007. № 7. С. 70–77.
- 16 Лавров А. В. Юрий Сидоров: на подступах к литературной жизни // Лавров А. В. Символисты и другие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 204–225.
- 17 Локс К. Г. Повесть об одном десятилетии // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 7–162.
- 18 Магомедова Д. М. Мотив «картонности» и его генезис в драматургии и лирике Александра Блока (Блок — Лермонтов — Гоголь — Салтыков-Щедрин) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 8 (151). С. 75–84.
- 19 Мелкие сведения // Золотое Руно. 1909. № 2/3. С. 118–121.
- 20 Минц З. Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1910) // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 207–222.
- 21 Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С. А. Венгерова; послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.
- 22 Садовской Б. А. Георгий Чулков. Рассказы. Книга первая // Весы. 1909. № 3. С. 100.
- 23 Садовской Б. А. Памяти Ю. А. Сидорова // Садовской Б. А. Ледоход. Статьи и заметки. Пг.: Изд. авт., 1916. С. 156–161.
- 24 Сидоров Ю. А. Г. Чулков Покрывало Изиды. Критические очерки // Русская Мысль. 1909. № 1. Отд. III. С. 6–8.
- 25 Соловьев С. М. На перевале XIII. Символизм и декадентство // Весы. 1909. № 5. С. 53–56.
- 26 Товарищ Герман [Гиппиус З. Н.] Трихина // Весы. 1907. № 5. С. 68–72.
- 27 Факелы. Книга первая. СПб.: Тип. Монтвида, 1906. 214 с.
- 28 Хризопрас. Художественно-литературный сборник издательства «Самоцвет». М.: Самоцвет, 1906–1907. 87 с.
- 29 Чулков Г. И. Об утверждении личности // Г. И. Чулков О мистическом анархизме. СПб.: Книгоизд. Факелы, 1906. С. 69–79.
- 30 Чулков Г. И. Покрывало Изиды. Критические очерки. М.: Изд. ж-ла «Золотое Руно», 1909. 217 с.
- 31 Эллис [Кобылинский Л. Л.] Пантеон современной пошлости // Весы. 1907. № 6. С. 55–62.

© 2021. Vjacheslav V. Savelov
Moscow, Russia

YU. A. SIDOROV AND MYSTICAL ANARCHISM (ON THE BASIS OF LIFETIME PUBLICATIONS)

Abstract: Based on two only lifetime publications, the paper examines the history of Yu. A. Sidorov's (1887–1909) perception and discussion of ideas of the “mystical anarchism”. In the almanac *Chrysopras* (1906) Sidorov published two poems that were obviously influenced by the slogans of this movement. I study parallels between these

debut poems and the texts of authors related to the movement, in particular, between the poem *Dreamer; you sent a revelation to the world...* and Georgy Chulkov's article *On the confirmation of personality* (1906). The study proves that a number of young writers (not only Yu. Sidorov, but also V. Grigoriev, E. Kazakov) were striving to declare their solidarity with slogans of the moment on the pages of the almanac *Chrysopras*, ideologically close to the Moscow *Vesy*. In the second lifetime publication, his review (Russkaya Mysl, 1, 1909) on the book of essays by Chulkov *The Cover of Isis* (1908), Sidorov showed new sharply critical and subverting attitude to the movement. I try to find the reason for Sidorov's new skeptical position to these principles and slogans. The paper showed it to be the poet's disappointment with the results of the 1905–1907 revolution and his turn towards monarchist sentiments, with subsequent support of the ideology within symbolism that was promoted by the Moscow magazine *Vesy*. The author pays particular attention to the parallels between Sidorov's polemic attacks against Chulkov and similar invectives against him by the *Vesy* magazine collaborators (Zinaida Gippius, Andrey Bely, Boris Sadovskoy, etc.)

Keywords: Yuri Sidorov, Georgy Chulkov, Mystical Anarchism, journal “Vesy,” Revolution of the 1905–1907th years, Russian Symbolism, literary polemic.

Information about the author: Vjacheslav V. Savelov — Lecturer, Russian State University for the Humanities, GSP-3, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3457-6051>. E-mail: VVSavelov@yandex.ru

Received: January 21, 2021

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Savelov V. V. Yu. A. Sidorov and Mystical Anarchism (on the basis of lifetime publications). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 252–267. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-252-267>

REFERENCES

- 1 Avrelii [Briusov V. Ia.] Vekhi IV. Fakely [Milestones IV. Torches]. *Vesy*, 1906, no 5, pp. 54–58. (In Russian)
- 2 Anton Krainii [Gippius Z. N.] Ivan Aleksandrovich — neudachnik [Ivan Aleksandrovich is a Failure]. *Vesy*, 1906, no 8, pp. 48–51. (In Russian)
- 3 Artisevich V. A. Knizhnye kolleksii v fondakh Nauchnoi Biblioteki pri SGU [Book Collections in the Scientific Library at SGU]. *Trudy nauchnoi biblioteki*, 1947, vol. 1, pp. 13–17. (In Russian)
- 4 Bely A. *Kubok metelei. Chetvertaia simfoniia* [A Goblet of Blizzards. Fourth Symphony]. Moscow, Skorpion Publ., 1908. 231 p. (In Russian)
- 5 Bely A. *Mezhdv dvukh revoliutsii* [Between Two Revolutions]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990. 670 p. (In Russian)
- 6 Bugaev B. [Bely A.] Na perevale. VI. Protiv muzyki [At the Divide. VI. Against Music]. *Vesy*, 1907, no 3, pp. 57–60. (In Russian)
- 7 Bugaev B. [Bely A.] Na perevale. VII. Shtempelevannaia kalosha [At the Divide. VII. The Stamped Galosh]. *Vesy*, 1907, no 4, pp. 49–52. (In Russian)
- 8 Bugaev B. [Bely A.] Na perevale. IX. Detskaia svistul'ka [At the Divide. IX. Baby's Whistle]. *Vesy*, 1907, no 8, pp. 54–58. (In Russian)
- 9 Vesti otovsiudu [News from Everywhere]. *Zolotoe Runo*, 1909, no 1, pp. 108–111. (In Russian)

- 10 Glukhovskaia E. A. Iz istorii literaturnoi bor'by 1906–1907 godov: sbornik “Khrizopras” [On the History of the Literary Disputes, 1906–1907: the Chryzopras Collection]. *Russkaia literature*, 2018, no 4, pp. 97–103. (In Russian)
- 11 Gofman M. L. *Sobornyi individualism* [Sobornyj Individualism]. St. Petersburg, Kruzhok molodykh Publ., 1907. 111 p. (In Russian)
- 12 Grechishkin S. S., Lavrov A. V. Blok i «Pereval» (epizod iz literaturnoi zhizni 900-kh godov) [Blok and “Pereval” (an Episode from the Literary Life of the 900s)]. In: *Materialy XXVII nauchnoi studencheskoi konferentsii. Literaturovedenie. Lingvistika* [Proceedings of the XXVII scientific student conference. Literary criticism. Linguistics]. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1972, pp. 61–65. (In Russian)
- 13 Zigmund [Bely A.] Georgii Chulkov. Pokryvalo Izidy [Georgy Chulkov. The Veil of Isis]. *Vesy*, 1909, no 1, pp. 86–89. (In Russian)
- 14 Ivanov V. I. Ideia nepriiatiia mira [The Idea of Rejecting the World]. In: Ivanov V. I. *Po zvezdam. Stat'i i aforizmy* [By the Stars. Articles and Aphorisms]. St. Petersburg, Ory Publ., 1909, pp. 103–122. (In Russian)
- 15 Kleimenova S. V. Knigi iz sobraniia Iurii Sidorova v fonde ZNB SGU [Sidorov's Book Collection in ZNB SGU]. In: *Biblioteka vuza: vchera, segodnia, zavtra: sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi pamiati V. A. Artisevich* [University library: yesterday, today, tomorrow: a collection of scientific papers dedicated to the memory of V. A. Artisevich]. Saratov, Izdatel'stvo SGU, 2007, no 7, pp. 70–77. (In Russian)
- 16 Lavrov A. V. Iurii Sidorov: na podstupakh k literaturnoi zhizni [Yurij Sidorov: on the Approaches to the Literary Life]. In: Lavrov A. V. *Simvolisty i drugie* [The Symbolists and the Others]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 204–225. (In Russian)
- 17 Loks K. G. Povest' ob odnom desiatiletii [A Tale of a Decade]. In: *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh* [The past. Historical almanac]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ.; Feniks Publ., 1994, vol. 15, pp. 7–162. (In Russian)
- 18 Magomedova D. M. Motiv “kartonnosti” i ego genezis v dramaturgii i lirike Aleksandra Bloka (Blok — Lermontov — Gogol' — Saltykov-Shchedrin) [The Motif of the «Cardboard» and its Genesis in Drama and Lyric by Alexander Blok (Blok — Lermontov — Gogol — Saltykov-Schedrin)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriiia. Filologiiia. Kul'turologiiia. Vostokovedenie* [Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies], 2015, no 8 (151), pp. 75–84. (In Russian)
- 19 Melkie svedeniia [Minor Information]. *Zolotoe Runo*, 1909, no 2/3, pp. 118–121. (In Russian)
- 20 Mints Z. G. K izucheniiu perioda “krizisa simvolizma” (1907–1910) [To the study of the period of the “crisis of symbolism” (1907–1910)]. In: Mints Z. G. *Poetika russkogo simvolizma* [To the Study of the Period “Crisis of Symbolism” (1907–1910)]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2004, pp. 207–222. (In Russian)
- 21 *Russkaia literatura XX veka. 1890–1910* [Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910], edited by S. A. Vengerova; afterword, preparation of the text by A. N. Nikoliukina. Moscow, Respublika Publ., 2004. 543 p. (In Russian)
- 22 Sadovskoi B. A. Georgii Chulkov. Rasskazy. Kniga pervaiia [Georgiy Chulkov. Stories. Book I]. *Vesy*, 1909, no 3, p. 100. (In Russian)
- 23 Sadovskoi B. A. Pamiati Iu. A. Sidorova [In Memory of Y. A. Sidorov]. In: Sadovskoi B. A. *Ledokhod. Stat'i i zametki* [Ice Drift. Articles and Notes]. Petrograd, Izdanie avtora, 1916, pp. 156–161. (In Russian)

- 24 Sidorov Iu. A. G. Chulkov Pokryvalo Izidy. Kriticheskie ocherki [The Veil of Isis. Critical Essays]. *Russkaia Mysl'*, 1909, no 1, department III, pp. 6–8. (In Russian)
- 25 Solov'ev S. M. Na perevale XIII. Simvolizm i dekadentstvo [At the Divide XIII. Symbolism and Decadence]. *Vesy*, 1909, no 5, pp. 53–56. (In Russian)
- 26 Tovarishch German [Gippius Z. N.] Trikhina [Trichina]. *Vesy*, 1907, no 5, pp. 68–72. (In Russian)
- 27 *Fakely. Kniga pervaia* [Torches. Book I]. St. Peetrsburg, Tipografia Montvida Publ., 1906. 214 p. (In Russian)
- 28 *Khrizopras. Khudozhestvenno-literaturnyi sbornik izdatel'stva "Samotsvet"* [Chryzopras. Artistic and Literary Collection of the Publishing House "Samocvet"]. Moscow, Samotsvet Publ., 1906–1907. 87 p. (In Russian)
- 29 Chulkov G. I. Ob utverzhdenii lichnosti [On the Strengthening Personality]. In: Chulkov G. I. *O misticheskom anarkhizme* [On Mystical Anarchism]. St. Petersburg, Knigoizdatel'stvo Fakely Publ., 1906, pp. 69–79. (In Russian)
- 30 Chulkov G. I. *Pokryvalo Izidy. Kriticheskie ocherki* [The Veil of Isis. Critical Essays]. Moscow, Izdanie zhurnala "Zolotoe Runo" Publ., 1909. 217 p. (In Russian)
- 31 Ellis [Kobylinskii L. L.] Panteon sovremennoi poshlosti [The Pantheon of Modern Vulgarity]. *Vesy*, 1907, no 6, pp. 55–62. (In Russian)